

ВОЛНУФОВ
НАСЛЕДИЕ

**НОВЫЕ ИДЕИ
В ФИЛОСОФИИ
СБОРНИК № 9
МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ I**

DirectMEDIA

Новые идеи в философии

Коллектив авторов

**Новые идеи в философии.
Сборник номер 9**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Новые идеи в философии. Сборник номер 9 / Коллектив авторов — «Директ-Медиа», 2014 — (Новые идеи в философии)

Серия «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова впервые вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Образование» ровно сто лет назад — в 1912–1914 гг. За три неполных года свет увидело семнадцать сборников. Среди авторов статей такие известные русские и иностранные ученые как А. Бергсон, Ф. Brentano, В. Вундт, Э. Гартман, У. Джемс, В. Дильтей и др. До настоящего времени сборники являются большой библиографической редкостью и представляют собой огромную познавательную и историческую ценность прежде всего в силу своего содержания. К тому же за сто прошедших лет ни по отдельности, ни, тем более, вместе сборники не публиковались повторно.

УДК 159.9

ББК 88

Содержание

Э. Л. Радлов	5
Г. И. Челпанов	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Новые идеи в философии. Сборник номер 9

Э. Л. Радлов

Самонаблюдение в психологии

Психология, в отличие от наук, исследующих объективный мир и почерпающих свой материал из наблюдения над данными наших внешних чувств, имеет дело с внутренними переживаниями, доступными лишь самонаблюдению. Утверждать, что основной метод психологии есть самонаблюдение – значит, в сущности, высказывать самоочевидную истину, между тем многие исследователи отрицали всякое значение у самонаблюдения, как научного метода, и нельзя сказать, чтобы основания, которые они приводили в пользу своего отрицания, не имели значения. Без самонаблюдения психология невозможна, но она была бы столь же невозможной, если бы самонаблюдение было единственным методом ее и не могло подлежать проверке других, более надежных способов приобретения достоверного знания. Пирогов в своих «Вопросах жизни» очень хорошо указал на трудности самонаблюдения: «Мы не можем выйти из заколдованного круга при всех наших усилиях определить точнее наше субъективное индивидуальное бытие. В общих чертах оно тождественно для всего человечества, имеет многие общие черты и с субъективизмом других животных. Но это сходство проявляется объективно только тремя путями: голосом (звуком), словом (членораздельными звуками) и движением (прямым и рефлексивным). Все наши опыты и наблюдения над проявлением субъективного индивидуального бытия человека и животных не имеют других критериев. Но если все они, несмотря на приобретенные посредством их влияния знания, ненадежны, сомнительны, двуречивы, то еще менее прочны те наши сведения, которые мы приобрели чисто субъективными наблюдениями»¹.

«Не в праве ли же я был», говорит Пирогов далее, «заключить, что в отношении нашей субъективной индивидуальности мы, действительно, стоим в заколдованном кругу. С одной стороны, объективные критерии для ее расследования (голос, слово, движение) ненадежны, неясны и двусмысленны; а с другой стороны, субъективные – ненормальны до того, что, употребляя наше сознание и мысль для исследования сознания же и мысли, мы рискуем потерять и то, и другое. В самом деле, кто поручится за ясность и нормальность мышления у наблюдателя, направляющего непрерывно все внимание и мышление на то, например, чтобы проследить начало и прохождение мысли в сознании, кто поручится, что подмеченное совершилось в наблюдаемом, а не в наблюдающем?.. Еще гораздо труднее, ненормальнее и сомнительнее дело, когда мы беремся судить о нашем Я, другими словами – о нашем лично сознательном ощущении бытия, мысли и, вообще, о присутствии в нас субъективного начала со всеми его (психическими) свойствами. В этом случае, – если правильно мое сравнение нашего Я с музыкантом, играющим одновременно на нескольких инструментах, – оно, наше Я, начинает играть, не быв виртуозом, на одном из них исключительно и делает, конечно, fiasco»².

Пирогов прекрасно назвал положение, в котором находится психология, заколдованным кругом.

Действительно, объективные методы исследования психических явлений сами по себе шатки и сверх того предполагают самонаблюдение, как свою основу; самонаблюдение же

¹ Пирогов. Сочинения. Том I, стр. 85 (издание 1887 г.).

² Ibid., стр. 86–87.

заключает в себе своеобразные трудности, сводящие почти к нулю результаты, добытые этим путем. Пирогов говорит, что индивидуальное бытие в общих чертах тождественно для всего человечества и даже для мира животных, но это утверждение никоим образом не могло быть получено из самонаблюдения, ибо последнее имеет дело всегда лишь с собственным сознанием и его переживаниями. Заключение, выводимые из самонаблюдения, касаются лишь одного индивида; душевная жизнь его представляет чисто единичное и неповторяемое явление; на такой основе общих законов душевной жизни построить нельзя.

В ограниченности материала, т. е. поля наблюдения, доступного внутреннему опыту, по справедливости всегда видели одно из важнейших препятствий для психолога, желающего строить общую теорию на самонаблюдении; недаром Шиллер говорил:

Willst Du dich selber erkennen, so sich wie die andern es treiben,
Willst Du die andern verstehen, blick in dein eigenes Herz.
(Хочешь себя ты познать, на других обрати свои взоры,
Хочешь других ты понять, в сердце свое загляни.)

Итак, никакой общей теории, т. е., науки, нельзя построить, если самонаблюдение есть единственный источник наших знаний о душевной жизни. Но не только в этой ограниченности источника психологических знаний заключается трудность его применения для психолога. Второе и еще более существенное возражение, приводимое обыкновенно против самонаблюдения, как метода научного исследования, состоит в том, что применение самонаблюдения уничтожает или искажает то состояние, на которое оно направлено. Действительно, представим себе человека, испытывающего порыв сильного гнева; если он не отдастся всецело этому чувству, а захочет наблюдать, как гнев протекает в душе, как он возникает, какие изменения он вызывает в теле и сознании, то такое отношение к собственному порыву непременно повлечет за собой прекращение его или же, по крайней мере, значительное изменение его характера. Таким образом, в результате получится, что мы наблюдали не тот объект, который желали, а какой-то искусственный, не живой. Дело нисколько не изменится от того, что мы вместо порыва гнева для примера выберем какое-либо из состояний умственной жизни человека. Если мы поглощены какой-либо интересной проблемой, то в это время мы не можем наблюдать за тем, как у нас связываются представления, как из известных посылок вытекают выводы, ибо субъект совершенно поглощен своим предметом и не чувствует своего раздельного от объекта бытия; когда же мы начнем думать о том, каким путем мы пришли к известным результатам в исследовании интересующего нас предмета, тогда самый интерес к предмету исчезает и наступает сознание раздвоения субъекта и объекта.

Итак, самонаблюдение есть единственный источник, в котором человек непосредственно знакомится с душевными переживаниями, и в то же время на этом источнике науки построить нельзя, ибо он не дает права на вывод общих положений, и объект, с которым человек знакомится, оказывается не подлинным объектом, не реальным душевным переживанием.

Так, обыкновенно, изображают дело противники самонаблюдения в психологии, и, без сомнения, доводы, приводимые ими, имеют большой вес и значение, однако, не в той мере, в какой это может показаться с первого взгляда.

Во-первых, самый термин «самонаблюдение» выбран весьма неудачно, ибо наводит на мысль о методичном наблюдении над собственными состояниями; такое наблюдение, конечно, невозможно; но уже Ф. Brentano в своей превосходной книге «*Empirische Psychologie*» предложил весьма удачное разграничение самонаблюдения (*Selbstbeobachtung*) от внутреннего восприятия (*innere Wahrnehmung*). Первое, т. е. методичное наблюдение за собственными состояниями, конечно, невозможно; но второе, т. е. внутреннее восприятие собственных состояний, есть несомненный факт. Несомненно, что мы не только испытываем известные переживания,

но в то же время и сознаем их, как наши состояния, т. е., что объектами сознания могут стать не только предметы внешнего мира, но и внутренние состояния, которые мы рассматриваем, как переменчивые или текучие явления нашей души. Допустим ради простоты, что все содержание сознания состоит из одних представлений большей или меньшей сложности и ясности, т. е., что ни чувства, ни воля, как таковые, не могут стать объектом сознания, а лишь представление о чувстве или воле, и нам станет совершенно очевидным, что в сознании одновременно может находиться не один какой-либо ряд представлений, а несколько рядов, стоящих в более или менее тесной связи между собой, хотя, может быть, и не одинаково ясно сознанных. Представим себе, например, человека лгущего. Лжец от фантазера отличается тем, что хотя оба создают ряды представлений фантастических, несоответствующих действительности, но первый делает это с определенной целью, а именно, с целью скрыть истину, – в то время, как второй предается просто игре ассоциаций. Когда лгущий сочиняет свою ложь, он в то же время имеет сознание истины; таким образом в сознании лжеца протекают два ряда представлений – один, сознаваемый с меньшей степенью ясности, стоящий как бы на заднем плане, другой, – сочиняемый и сознанный вполне отчетливо. То же самое подтверждается размышлением над действием привычки. Когда мы совершаем какие-либо действия, нам непривычные, мы сначала должны думать, как их лучше совершить, следовательно, в сознании протекают два ряда состояний – потом же, когда сложилась привычка, первый ряд отступает и уступает место другому какому-либо.

Если гневающийся и не может наблюдать за своим гневом, то все же нельзя отрицать того, что он сознает свой гнев и может его впоследствии описать и отличить от других состояний. Самонаблюдение невозможно, но внутреннее восприятие доставляет знание о психических состояниях, которое и может служить основанием для выводов. Гневающийся, конечно, не может наблюдать за тем, как протекает его гнев, но он в каждый момент имеет совершенно отчетливое внутреннее восприятие своего гнева. Если бы кто-либо усомнился в этом и счел различие самонаблюдения от внутреннего восприятия софистической тонкостью, то ему стоит только припомнить, – оставаясь в границах того же примера, – что человек до известных пределов является господином своих состояний, что он имеет некоторый контроль над ними. Гнев наблюдать невозможно на себе самом, но сдерживать порыв гнева вполне возможно. – Вспыльчивый человек не мог бы раскаиваться в своей несдержанности, если бы не имел непосредственного знания своих состояний и воспоминания о них; и сдержанный человек не мог бы подавлять в себе подступающих порывов гнева, если бы не имел отчетливого знания, полученного путем внутреннего восприятия, о действии как самого гнева, так и тех противодействующих ему представлений о последствии гнева, которые приходится вызывать в сознание в борьбе с стихийным аффектом. Точно также все содержание логики, поскольку она касается не внутренней состоятельности и значимости мысли, а течения умственных процессов, заимствовано из показаний внутреннего восприятия...

Итак, нет никакого противоречия в том, чтобы испытывать известное психическое состояние и в то же время знать о том, что испытываешь его; напротив, указанная черта сознания есть основная его особенность, благодаря которой факты психической жизни становятся известными человеку. Таким образом, часть возражений, совершенно справедливых относительно самонаблюдения, отпадает и не имеет применения к внутреннему восприятию, несомненной основе всякого знания о психическом мире.

Этим, однако, вопрос о значении и ценности внутреннего восприятия не решен еще. Пусть внутреннее восприятие и является единственным источником наших сведений о душевных переживаниях, все же первое возражение, выставленное против самонаблюдения, сохраняет свою силу и по отношению к внутреннему восприятию, а именно, что путем самонаблюдения (а также и внутреннего восприятия) мы знакомимся лишь с собственными, – чисто

индивидуальными, неповторяемыми переживаниями, а на них никак нельзя построить общегонной теории.

Индивидуальность и неповторимость психических явлений представляет основное их свойство, засвидетельствованное внутренним восприятием, и с этим свойством психологу, конечно, приходится считаться; оно, однако, не исключает возможности построения общей теории. Без сомнения, психология никогда не станет, наукою в том смысле, в каком мы говорим, например, о науках, имеющих своим предметом неорганическую материю, но зато психология имеет перед ними одно великое преимущество – непосредственности и внутренней достоверности данных, полученных путем внутреннего восприятия. Понятия, под которые мы подводим явления внешнего мира, не применимы к душевным явлениям; нельзя в этой области достичь и той точности измерений, которая достижима в объективном мире, но отсюда еще не следует, что, вообще, никакой общей психологической теории быть не может. Индивидуальность психических явлений не исключает того, чтобы все живые существа, одинаково индивидуальные, имели общие между собой черты; неповторимость же психических явлений тоже не представляет непреодолимого препятствия, ибо естественно предположить, что одинаковые условия вызывают сходные психические явления. Хотя в психологиях приводится много в научном отношении малоценного и недостаточно проверенного материала, но вряд ли можно утверждать, что все содержание психологии никакого научного значения не имеет.

Итак, если возможно знание о душевных явлениях путем внутреннего восприятия, но в то же время знание это слишком ограничено, то возникает вопрос о том, каким путем расширить его.

Психологии нет никакого основания стоять на точки зрения строгого солипсизма. Хотя внутреннее восприятие и говорит нам лишь о наших состояниях и о том, что всякая иная душевная жизнь, кроме нашей собственной, познается нами лишь при посредстве представлений о чужом Я и толкуется по аналогии с нашими душевными состояниями, но нет никаких оснований считать это толкование неправильным и необоснованным. Ведь и внешний мир познается нами путем представлений (положение Шопенгауэра – мир есть мое представление – безусловно истинно), точно также как и чужое одушевление; психология может указать условия, которые приводят нас к вере в независимое существование внешнего мира и чужого одушевления, но психологии нет никакого дела до вопроса о праве придавать представлениям объективное значение, – это задача гносеологии. Признание существования чужой душевной жизни и возможность толкования ее по аналогии с нашей собственной значительно расширяет пределы психологического исследования. Но расширение границ психологии возможно не только в смысле объективном, но и в области чисто внутренней. Внутреннее восприятие говорит нам лишь о том, что происходит в индивидуальном сознании в этот момент, но память сохраняет представление о предшествовавших состояниях и дает рефлексии возможность сравнения прошлых переживаний с настоящими, а благодаря сравнению – возможность нахождения общих черт.

Признание чужих психических миров, познаваемых по аналогии с нашим, расширяет, конечно, область психических исследований, но именно необходимость руководствоваться при исследовании аналогией ставит исследователю значительные трудности: если мы легко знакомимся с внутренним миром взрослого нормального человека путем языка, членораздельных звуков, жестов и выразительных движений – хотя все эти средства в той же мере служат раскрытию душевного мира, сколь и сокрытию его истинного содержания³, – то уже гораздо труднее понять все то, что уклоняется в какую-либо сторону от нормы. Гениальные люди обыкновенно бывают непоняты современниками, почти в такой же мере, как и ненормальные или умалишенные.

³ Ср. Young. «And men talk only to conceal the mind.»

Между тем психическая жизнь тех и других для психологии должна представлять большой интерес. Понять гения – значить найти доступ к психологии творческого процесса; понять умалишенного – значить получить возможность заглянуть в процессы разложения душевной жизни. В том и другом случае психолог имеет дело с весьма сложным душевным миром. Не меньшее значение для понимания истории души представляет психический мир детей и животных, так как здесь все явления протекают в более простой и элементарной форме. Понять детский мир, конечно, нелегко, но психологу-аналитику в этом случае на помощь толкованию по аналогии приходят воспоминания о собственных прежних переживаниях; гораздо затруднительнее положение исследователя по отношению к животным; аналогия тут играет весьма незначительную роль, поэтому доступ к психике животных весьма ограничен. Талантливые наблюдатели, вроде Фабра, без сомнения, умеют изображать психическую жизнь животных, например, насекомых, в весьма ярких красках; но стоит только вспомнить недавно вышедшую книгу Карла Кралла, в которой сообщается, что лошади умеют извлекать кубические корни, чтобы вообще отнестись скептически к современной психологии животных. Правда, психическая жизнь животных должна быть гораздо более простой, чем человеческая, и если Шиллер утверждал, что в жизни человека есть два полюса, около которых все вращается⁴, то это гораздо более справедливо относительно жизни животных.

Мы указали на некоторые области явлений, способные расширить данные внутренних восприятий и обогатить материал психолога: мы далеко не исчерпали всего материала. Психология народов, толпы, вообще история способны дать исследователю весьма ценный и богатый материал. Подобному расширению и углублению подлежит и внутреннее восприятие. Мы уже указали на память, как на орудие психологического анализа. Современная психология не без успеха применяет и эксперимент, но само собой разумеется, что самый эксперимент возможен лишь при допущении внутреннего восприятия, как основного источника психологических сведений.

⁴ Einstweilen bis den Lauf der Welt Philosophie zusammen hält, Erhält wie das Getriebe Durch Hunger und durch Liebe.

Г. И. Челпанов

Об экспериментальном методе в психологии

В последнюю четверть столетия психология обогатилась новым методом исследования; она, по примеру наук о физической природе, стала пользоваться в своих исследованиях экспериментом, она, как теперь принято выражаться, сделалась экспериментальной.

Эксперимент сделался неизбежным спутником психологического исследования. Всюду в Европе и в Америке при университетах учреждаются лаборатории или «институты» для экспериментальных исследований психических явлений. Экспериментальные методы исследования начинают пользоваться таким повсеместным признанием, что едва ли в настоящее время найдется какой-либо психолог, который стал бы отрицать значение эксперимента в психологии. В настоящее время едва ли кто-нибудь из психологов стал бы противопоставлять исследованию при помощи экспериментальных исследований исследование при помощи самонаблюдения просто. Теперь едва ли кто-либо стал предлагать вопрос: «что в психологическом исследовании важнее, эксперимент или самонаблюдение?» С одной стороны, никто из психологов не отрицает первенствующей роли самонаблюдения в исследованиях психических явлений, хотя уже многие начинают говорить о необходимости «ограничения самонаблюдения»⁵. С другой стороны, никто не отрицает значения эксперимента, хотя очень многие убеждены, что применению эксперимента в психологии есть определенный предел⁶.

Благодаря применению эксперимента в психологии все содержание психологии расширилось: возникли новые отрасли психологии. Вообще, во всей психологии последнего времени, благодаря применению эксперимента, произошло такое глубокое изменение, что настоятельно необходимо дать совершенно определенный ответ на вопрос, какое значение имеет эксперимент в психологии, потому что ближайшая будущность психологии находится в зависимости именно от разрешения вопроса о пределах приложимости эксперимента в психологии.

Если еще лет 10—15 тому назад можно было противопоставлять психологию экспериментальную психологии интроспективной, то в настоящее время для такого противопоставления нет никаких оснований. По отношению к эксперименту мы не можем говорить так, как говорили лет десять тому назад, что мы переживаем «кризис» в психологии. Кризис уже миновал. Эксперимент уже завоевал прочное положение в психологии, и тем не менее пределы его приложимости остаются невыясненными в достаточной мере. Этим вопросом мы и займемся в настоящей статье.

Прежде всего мы рассмотрим старое противопоставление – эксперимент или самонаблюдение в психологии. Для этого нужно рассмотреть, что такое самонаблюдение и каково его отличие от внешнего наблюдения.

По отношению к самонаблюдению всегда возникало сомнение – действительно ли оно может считаться источником психологического познания, даже больше, может ли вообще самонаблюдение осуществиться во внутреннем опыте. Кажется, для такого сомнения есть место, если мы сравним «внешнее» наблюдение с тем, что мы называем внутренним наблюдением или самонаблюдением. Внешнее наблюдение осуществляется в том случае, когда наше внимание направляется на более или менее продолжительное время на какой-либо предмет или явление. Может ли подобное направление внимания иметь место во внутреннем опыте? В тот момент, когда мы для наблюдения какого-либо психического явления желаем направить на него наше внимание, его уже нет налицо. Поэтому при изучении психических явлений

⁵ Об этом см., напр., Dodge. The Theory and Limitations of Introspection. American Journal of Psychology. XXIII, стр. 214–229.

⁶ См., напр., Elsenhans. Lehrbuch der Psychologie. 1913.

нам приходится оперировать только лишь с вспоминаемыми образами известных психических явлений, непосредственно же наблюдать то или иное психическое явление в нашем внутреннем опыте мы не в состоянии. Поэтому правильнее было бы вместо термина «самонаблюдение» употреблять термин «внутреннее восприятие»⁷

⁷ Об этом см. Wundt. Logik. В. III, стр. 164.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.